

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Сюжет «царь с ослиными ушами» в корейской литературе

К изучению проблемы взаимодействия культур
Востока и Запада

А. Ф. Троцевич

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

В произведениях корейской традиционной прозы часто встречаются иноземные сюжеты. Они дают хороший материал для исследования принципов взаимодействия двух литератур: корейской и китайской, корейской и индийской. В работе, посвященной корейской традиционной повести, я попыталась показать, как чужой сюжет перерабатывается на почве корейской культуры, давая жизнь новому оригинальному сочинению¹. До сих пор речь шла о традиционных культурных связях Кореи с Китаем и Индией, но древние корейские государства, очевидно, имели отношения и с более дальними странами. Об этом говорит, например, фреска Афросиаба, на которой изображены корейские послы при дворе согдийского царя². Возможно, такого рода контакты могли принести в Корею и сюжеты западных литератур.

Так, в корейском историческом памятнике XIII в. «События времен Трех государств» («Самгук юса»), составленном буддийским чаньским монахом Ирёном, есть раздел, посвященный царствованию 48-го царя Силла Кёнмун-вана (861—874). Приведем перевод текста.

Имя государя Ыннём. В 18 лет он стал хвараном³. В возрасте когда совершается обряд надевания шапки (20 лет. — А. Т.), государь Хонан призвал его во дворец на пир и спросил: «Ты

¹ См.: Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М., 1975, с. 100—111.

² В раскопках Самарканда, древней столицы Согда, обнаружена фреска, на которой изображен церемониал приема самаркандским царем Вархуманом иноземных послов (VIII в.). Костюмы и позы одной из групп говорят о том, что это, скорее всего, посольство корейского государства Силла. См.: Альбаум Л. И. Живопись Афросиаба. Ташкент, 1975, с. 20, 74—75; ил.: табл. VII, зап. стена, деталь 4.

³ Хвараны — особый социальный институт, сформировавшийся в Силла в VI—VII вв., ведавший подготовкой кадров для государства. В основе института лежит жреческая организация.

стал хвараном и гуляешь повсюду без забот. Не случилось ли тебе увидеть что-либо удивительное?» Юноша ответил: «Я видел трех человек добропорядочного поведения». Государь сказал: «Мы хотели бы услышать про них». Юноша рассказал: «Один человек, имея высокий ранг, скромно занимает низкое положение. Другой обладает богатством, но одевается бедно и просто. Третий по происхождению знатен и влиятелен, но не пользуется своим могуществом». Государь, выслушав его речь, признал ее мудрой и, невольно пролив слезы, сказал: «У нас есть две дочери. Хочу, чтобы одна из них подносила тебе полотенце и гребень (стала женой. — А. Т.)». Юноша, встав с места, поклонился и удалился со склоненной головой. Сообщил об этом отцу и матери. Отец и мать удивились и обрадовались, собрали всю семью и рассудили: «Старшая принцесса внешностью весьма некрасива, а младшая очень хороша, женись на ней!» Старший над хваранами наставник Пом, услышав об этом, отправился в дом к юноше и спросил: «Правда ли, что государь хочет женить тебя на принцессе?» «Да», — ответил юноша. «На которой же ты собираешься жениться?» — спросил наставник. Юноша ответил: «Оба родителя велели мне взять младшую». Наставник на это сказал: «Если женишься на младшей, я умру прямо перед тобой! А если женишься на старшей, непременно обретешь три блага — предупреждаю тебя!» «Последую вашему приказанию», — сказал юноша. Вскоре государь выбрал день и послал спросить юношу: «Которую из двух дочерей предпочтет господин?» Посланный возвратился и доложил о желании юноши: «Хочет получить старшую дочь». Миновало три луны. Государь тяжело заболел и, призвав приближенных, сказал: «Мы не имеем мужского потомства, а потому дела после нашей смерти пусть наследует Ыннём, супруг нашей старшей дочери». На следующий день государь скончался. Юноша, получив оставленное ему повеление, вступил на престол. Тогда к государю явился наставник Пом: «Некогда я говорил вам о трех благах и вот нынче все они проявятся. Женился на старшей дочери — возшел на престол — это одно. Вы прежде восхищались красотой младшей принцессы, теперь ее легко можете получить — и это второе. Женились на старшей сестре и теперь благоденствуете вместе с супругой — это третье». Государю весьма понравились его речи. Он пожаловал наставнику титул «чистого душой» и 130 лян золота. Когда государь скончался, ему дали посмертное имя Кёнмун.

В государевой опочивальне каждый вечер собирались неслетные полчища змей. Люди во дворце были напуганы и со-

брались изгнать их, но государь сказал: «Если бы у нас не было змей, мы не смогли бы спокойно спать. Не выгоняйте их!»

Каждый раз, как государь засыпал, он выплевывал свой язык и расстилал его по всей груди.

Когда государь взошел на престол, уши его вдруг стали длинными, как у осла. Ни царица, ни придворные об этом не знали. Знал это только один человек — шапочных дел мастер, но всю жизнь он об этом никому не рассказывал. Когда ему пришла пора умирать, он отправился в безлюдное место, в бамбуковую рощу при монастыре Торим, и прошептал бамбуку: «У нашего царя уши как у осла!» После этого поднялся ветер и прошелестел бамбуком: «У нашего царя уши как у осла!» Государь разгневался, повелел срубить бамбук и насадить кизил. Но когда подул ветер, снова раздался голос: «У нашего царя уши как у осла!»⁴

Итак, с историей царствования Кёнмун-вана связаны четыре события: мудрый совет наставника и женитьба на старшей принцессе, появление змей, удивительный язык и ослиные уши. Последняя история явно представляет собой изложение известного мифа о фригийском царе Мидасе, которого Аполлон наградил ослиными ушами. Мидас прятал уши под фригийской шапкой и знал об этом только его цирюльник. В корейской интерпретации мифа не говорится, почему у царя появились ослиные уши, но зато сохранен рассказ о том, как была разглашена тайна царя. На этом моменте и сосредоточено главное внимание. Кроме того, скорее всего, мотив укрывания ослиных ушей под шапкой превратил фригийского цирюльника Мидаса в корейского шапочных дел мастера.

История царя с ослиными ушами, очевидно, бытовала в Корее, скорее всего, в устной форме. Так, в «Индексе типов корейских народных сказок», составленном Чхве Инхаком, этот сюжет отмечен под № 758 (King's ears are donkey ears — уши царя — ослиные уши)⁵. Сказки о царе с ослиными ушами записаны в южной части Кореи (мы не обнаружили этого сюжета среди записей фольклора северных провинций)⁶.

Приведем примеры перевода двух сказок — одна из центральной провинции Кёнги, другая — из Сев. Кёнсан.

⁴ Ирён. События времен Трех государств (Самгук юса). Пхеньян, 1960, с. 201.

⁵ Choi Inhak. A Type Index of Korean Folktales. Seoul, Myongji University. 1979, p. 329.

⁶ Им Сокче сончжип. Хангук кучжон сорхва (Избранные сочинения Им Сокче. Корейские устные предания). Сеул, 1987, т. 1—5.

Первая сказка называется «Уши государя, как у китайского осла».

У царя большого государства уши выросли, как у китайского осла. Вот какой человек стал царем! Нельзя, конечно, чтобы люди такое увидели. Отчего бы это у Сына Неба уши как у китайского осла? Не пойдут ли слухи о том, что он потомок китайского осла? Так вот, чтобы этого никто не увидел, для него изготовили большую высокую шапку. Это значит, руками надо было натянуть эту шапку на голову, тогда она даже уши закроет. Вот потому другие люди ничего и не знали. Никто не знал. Однако своих подданных... Волосы-то в те времена, в древности, в нашей стране все завязывали узлом (на макушке. — А. Т.). Завяжешь такой узел, а волосы-то хоть раз в несколько дней надо непременно расчесать. Но ведь сам-то волосы не расчешешь, вот эту работу и поручали подданным, пусть подданные причесывают... Тех же, кто хоть раз его причешет — кто приходит его причесывать, — убивал. Вот придет причесать, причешет, а после, чтобы не болтал, раз — и убьет. Уж и не знаю, скольких поубивал? Но ведь это никуда не годится! Вы смотрите, что получается! Эдак все подданные перемрут, никого и не останется! А еще царь решил, что нет нужды убивать по одному тех, кто хоть раз придет расчесать волосы. И тогда, взглянув на человека, который его причесывал, царь сказал:

— Куда б ты ни пошел, не вздумай рассказать про то, что увидишь! Идет?

Того человека не убили, а про то, что он увидел, он, конечно, не говорил.

— Если только скажешь, умрешь! — Так ему пригрозили, вот он и молчал. А этот подданный только начал расчесывать волосы, как все и увидел. «Какое уродство!» — так и хотелось ему крикнуть, но ведь было сказано: «Убьем!». Если скажу, умру — так и не сказал. После того приключилась у этого человека хворь, а заболел он оттого, что не мог слова вымолвить. Стал он помирать. Сыновья часто просили его:

— Скажите, отчего это?

Каких бы лекарей ни приводили, ничего не помогало. Лекарям он объяснил:

— Это мои тревоги довели меня до болезни, потому и лекарства не помогают.

А сыновья снова:

— Отчего это?

— Поведайте нам!

И тогда наконец отец сказал:

— Я не могу говорить. Вы меня отнесите куда-нибудь в глухие горы, в такие горы, где нет человеческого жилья, а сами возьмите с собой острую железную мотыгу, чтобы копать землю.

Вот и отправились они в глухие горы, где нет человеческого жилья. Шли, шли, а потом выкопали яму, такую глубокую, что если туда залезет человек и сядет, то его и не заметишь.

— Хватит копать, — сказал он. — Я останусь здесь, а вы ступайте отсюда, но далеко не уходите, как позову, придете.

Когда сыновья ушли, он, оставшись один, проговорил, так в землю и сказал:

— У Сына Неба большого государства Хо Пхильёна уши как у китайского осла!

(Исследователь: «Хо Пхильён?»)

— Да, да! Хо Пхильён, Хо Пхильён, Хо Пхильён! Так его звали. Фамилия Хо, имя Пхильён. Он и стал Сыном Неба!

После этого он позвал сыновей, чтоб пришли. Те явились.

— Теперь все в порядке, закопайте снова!

Сыновья закопали и они ушли. Однако через какое-то время, там, где эти... бамбук проклюнулся, на том месте, где копали. Такой поднялся, с палец толщиной, гладенький. Вот тут и раздался удар в котел, все люди и узнали! Проходил мимо какой-то человек и заметил. Этот человек любил короткие дудочки и довольно хорошо на этих дудочках играл — вот кто это был. А бамбук-то славно вырос, так и торчит.

— Хорошо бы эту дудку выкопать да сыграть на ней. А ну, попробуем!

Он взял да и вырыл эту дудку, которая торчала из земли, дунул в нее... А, а... из нее-то не музыка полилась, а вон что:

— У Сына Неба большого государства, у Сына Неба по имени Хо, Хо Пхильёна, уши, как у китайского осла!

Такие вот слова пропела. Он дул, а голос все говорил и говорил. Постепенно эти речи разошлись повсюду и дошли до дворца. Доложили:

— У какого-то человека есть дудка, он что есть мочи играет на ней, а она выговаривает слова: «У Сына Неба большого государства уши, как у китайского осла!»

— Привести, чтоб сыграл!

Его схватили и привели, схватили и привели.

— Играй!

Он заиграл, и на самом деле так и получилось. Ну что ж, убить его? Бросили его в темницу, бросили туда, чтобы убить.

— Говори, где взял?

— Откуда это?

— Да где-то в горах срезал!

Тогда тот человек (который причесывал царя. — А. Т.) сам пошел туда и в том месте, где копали землю, увидел срез бамбука. Увидев Сына Неба, сказал ему:

— Не убивайте этого человека, лучше убейте меня! Я очень хотел проговорить эти слова, но не смел и из-за этого заболел. Тогда отправился в горы, туда, где меня не смог бы услышать ни один человек, вырыл в земле яму, залез в нее и там совсем один выговорил эти слова. А в том месте взял да и вырос этот проклятый бамбук, пропел эти слова. Вот так и случилось.

Получается, что там, на той земле, вырос говорящий бамбук. Он что-ли и рассказал? Что-то плохо верится в эту историю.

— Не надо убивать того человека, убейте меня! Из-за меня все раскрылось, убейте меня!

И тогда государь молвил:

— Как можно убить такого преданного подданного? Среди людей не найдешь другого такого преданного, который бы сам сказал: не убивайте этого человека, все случилось из-за меня, меня и убейте! Такого подданного убить нельзя. И того, кто на дудочке играл, тоже не надо казнить. Отпустите обоих!

Так их и не убили, оставили в живых. Вот что люди рассказывают⁷.

Вторая история царя с ослиными ушами называется «Бамбуковая роща у храма Торим».

Это случилось во времена правления 48-го государя Силла Кёнмун-вана. Однажды уши государя отчего-то вдруг стали огромными, как у китайского осла. Государь перепугался и не находил себе покоя, но так уж случилось и ничего нельзя было сделать, а потому, даже всходя на ложе и закрывая глаза, он не снимал с головы шапку, и никто не знал про его длинные уши — ни государыня, ни женщины из дворца, ни придворные чиновники. Известно это было только одному человеку — шапочных дел мастеру, который шил царские шапки. А шапочных дел мастер, чем бы ни занялся, куда бы ни пошел, вдруг вспомнит про царские ослиные уши и начинает смеяться до колик в животе, но слова вымолвить про это не смеет. В конце концов шапочник занемог, но даже в недуге не смог забыть про ослиные уши царя. А когда он уж совсем стал помирать, пришло ему в голову,

⁷ Хангук куби мунхак тэге (Большое собрание корейской устной словесности). Сеул, 1981, т. 1—4, с. 115—118.

что всю жизнь знал тайну и хранил ее в душе. Дай-ка я теперь хоть раз в жизни облегчу свою душу, выпущу из себя эту тайну и уж тогда помру, решил он и отправился в бамбуковую рощу, которая была позади храма Торим. Там он насмеялся вдоволь, а потом раскрыл рот и проговорил:

— У нашего царя уши, как у китайского осла!

За всю свою жизнь он лишь один раз выпустил изо рта эти слова, облегчил нутро и, возвратившись домой, умер.

После того каждый раз, как подует ветер, в этой бамбуковой роще звучали странные речи:

— У нашего царя уши, как у китайского осла!

Государь, услышав голос этого бамбука, весьма обеспокоился и велел подданным тотчас же срубить весь бамбук и насадить там горный кизил. Так весь бамбук был уничтожен и насажен кизил, но как только кизил вырос, каждый раз, как подует ветер, раздается все тот же голос, что прежде от бамбука:

— У нашего царя огромные уши! — Вот что прозвучало.

А после государь Кёнмун-ван скончался и разрушился храм Торим⁸.

Очевидно, что оба предания сохранили сюжет, записанный в «Событиях...», т. е. ядро мифа о фригийском царе осталось: «звериный царь» и разоблачение его тайны. В «Событиях...» история ослиных ушей царя представлена как один из эпизодов, связанных с царствованием государя Кёнмун-вана: у царя выросли огромные уши, а потом чудесным образом об этом узнали все. Со временем эпизод был выделен из серии событий царствования Кёнмун-вана и, получив самостоятельную жизнь, оформился уже как законченное произведение. Возможно и другое предположение: сюжет о царе с ослиными ушами некогда бытовал в Корее и был записан в одном из древних памятников, впоследствии утраченном. Известно, что буддийский монах Ирён при составлении своего труда «События времен Трех государств» пользовался материалами многих ныне пропавших исторических сочинений, в том числе и неофициальных. История царя с ослиными ушами, таким образом, могла жить параллельно — в устной традиции и в письменных памятниках (ср., например, распространение сюжета индийской джа-

⁸ Чхве Сансу. Хангук минган чонсолъчжип (Чхве Сансу. Сборник корейских народных преданий). Сеул, 1958, с. 229—231.

таки о хитрой обезьяне (в Корее — о зайце), обманувшей морского царя)⁹.

В отличие от записи в «Событиях...», в преданиях появились новые мотивы: царь убивает того, кто приходит причесать его волосы, хранитель тайны заболевает и решает открыть секрет в бамбуковой роще или в яме, вырытой в глухих горах, рассказывает о царе с ослиными ушами бамбуковая дудочка. Предание, записанное в провинции Кёнги, имеет счастливый конец: царь поступает гуманно — отпускает подданного, преданно хранившего тайну. В предании из провинции Кёнсан и царь, и хранитель тайны в конце концов умирают.

История царя с ослиными ушами была записана немецким корееведом Андре Эккардтом от его учителя корейского языка Ким Пончжу (1865—1932). Эккардт назвал эту историю преданием (sage) и включил в сборник корейских народных преданий, рассказов и сказок под названием «Рассказ о длинных ушах» (Erzählung von den langen Ohren)¹⁰.

Предание представляет собой большое повествование со многими действующими лицами: кроме короля и юноши-цирюльника (шапочных дел мастера), здесь появились мать юноши, тигр, горный дух. Приведем содержание «Рассказа о длинных ушах».

В давние времена у царя Пуё были очень длинные уши. Он не выходил из дворца, и ни один человек, даже родственники и министры, не могли к нему приблизиться. Но каждый месяц к царю приводили юношу из простого народа, однако никто не видел, чтобы он возвратился обратно в отчий дом. И вот однажды посланник царя явился в дом одной бедной вдовы, чтобы препроводить во дворец ее единственного сына. Юноша уговорил посланника подождать до следующего утра. Оставшись вдвоем с матерью, они принялись обсуждать, как избежать страшной участи. Юноша решил убить короля, но мать запретила: «Особа короля священна, и духи накажут тебя!» Ночью мать отправи-

⁹ См.: Ин Квонхван. «Чок Соный чён» кынвон сорхва ёнгу. Индо сорхваый хангукчок чонгэ (Исследование легенд — источников повести «Чок Соный». Распространение в Корее индийской легенды). — Инмун нон чип (Собрание статей по проблемам культуры). Изд. Корё тэхаккё мунгвадэхак. 1967, № 8.

¹⁰ Die Ginsengwurzel. Koreanische Sagen, Volkserzählungen und Märchen, gesammelt von Professor Dr. Andre Eckardt (Корень инсам. Корейские предания, народные рассказы и сказки, собранные профессором доктором Андре Эккардтом). Eisenach, 1955, S. 60. Далее в ссылках: Die Ginsengwurzel...

К сожалению, у нас нет корейского текста этого предания, однако я сочла возможным воспользоваться переводом А. Эккардта, поскольку в статье рассматриваются только вопросы сюжета и характеристики персонажей.

лась в лес, принесла жертву горному духу и попросила его даровать жизнь ее сыну. Появился тигр и объявил, что он слуга горного духа, который поможет ее сыну. Мать успокоилась, обо всем рассказала сыну, и тот уверенно пошел во дворец. Юноша предстал перед королем и, когда тот вручил ему ножницы, юноша сказал: «Я не осмеливаюсь стричь твои волосы, потому что вчера, когда твой посланник явился за мной, я задумал взять с собой кинжал, чтобы тебя убить, но моя мать сказала, что духи покарают меня, если я посмею покуситься на твою священную жизнь». «Твоя мать умная женщина и я ее награжу», — сказал король. А юноша продолжал: «Ты боишься показать людям свои длинные уши и из-за этого убиваешь всех, кто увидит тебя и острижет твои волосы. Могу ли я дать тебе совет?» «Говори!» — разрешил король, которому понравилось бесстрашное поведение юноши. Тогда юноша сказал: «Пусть тебе, король, для твоих длинных ушей сделают шапку, такую, чтобы целиком закрывала уши, и вели всем, кто к тебе приходит, надевать такую же шапку. Эти шапки быстро войдут в моду, и все в народе будут носить такие же. Тогда уж никому не придет в голову спрашивать, отчего был введен такой обычай». Король принял его совет и оставил юношу во дворце, взяв с него обещание никому не рассказывать про его ослиные уши. Королю сшили особую шапку, которая всем пришлась по вкусу. Ее и до сих пор носят в Корее.

Однажды король смертельно заболел, и никто не мог ему помочь. Тогда призвали старого мудреца. Он подошел к больному королю и попросил снять с него шапку, но юноша объяснил, что это невозможно. Тогда мудрец сказал, что вылечить короля можно только особым корнем женьшеня, который добудет для него самоотверженный человек, готовый отдать жизнь ради спасения государя. Юноша пришел за советом к матери, и та рассказала сыну, что ему покровительствует сам горный дух, а потому он может пойти в лес на поиски чудесного женьшеня. Этой же ночью юноша отправился в лес. Навстречу ему вышел тигр и сказал, что отыскать корень может только тот, кто готов принести себя в жертву ради спасения короля. Юноша ответил, что готов умереть, и тогда тигр привел его на чудесную поляну, где под старым дубом сидел горный дух. Дух задал ему три вопроса, на которые юноша дал мудрые ответы. Дух остался доволен и одарил его чудесным корнем. Юноша возвратился во дворец и вручил корень лекарю, который приготовил из него лекарство. Король выпил снадобье и тотчас же излечился. В благодарность за исцеление он пожаловал юноше должность перво-

го министра. Народ почитал его, несмотря на его молодость, потому что он обладал мудростью старца, осмотрительностью орла, был тверд в своих решениях, как тигр, и заботился о всех, как отец.

Корейское предание четко делится на две истории: в первой речь идет о жестоком царе с ослиными ушами и юноше-цирюльнике, который помог царю скрыть уродство под шапкой особого фасона; во второй рассказывается о смертельной болезни царя и юноше, готовом ценой своей жизни его спасти. На первый взгляд логическая связь между этими двумя историями отсутствует. Просто вторая присоединяется фразой: «Однажды король смертельно заболел, и ни один лекарь, ни один кудесник не знали, что делать и как помочь»¹¹. Первая история представлена как легенда, объясняющая, откуда в Корее появились шапки с ушами. При этом сам сюжет о царе с ослиными ушами превратился в рассказ о царе-монстре, убивающем молодых людей, и о мудром юноше, который сумел избежать смерти.

Обратим внимание на то, что в этом предании исчез важный момент сюжета, — герой рассказывает о тайне короля бамбуку (тростнику), и зетер (или игра на бамбуковой дудочке) разносит ее по всей стране. Разглашение тайны является центральным моментом в сюжете о царе с ослиными ушами. Корейский герой сохраняет тайну короля. Скорее всего, это связано с заданным характером юноши, который представлен здесь прежде всего как преданный подданный и истинно благородный муж, а благородный муж не может нарушить обещание, данное государю.

Поступки героя корейского предания соответствуют образцовому поведению конфуцианского благородного мужа: он не испытывает страха перед королем, не лукавит, а ведет себя как истинно преданный подданный, который отважился дать мудрый совет. При этом текст специально предупреждает, что выход из сложной ситуации подсказан юноше горным духом, который обещал матери героя свою помощь. («Твой сын смышлен, и мой господин подскажет ему правильные слова»)¹². Такое стремление подчеркнуть необыкновенность героя, которому покровительствуют даже высшие силы, характерно для корейской традиционной повести.

¹¹ Die Ginsengwurzel., с. 65.

¹² Там же, с. 62.

Идея образцового подданного развивается во второй части предания — в рассказе о юноше, который готов пожертвовать собой ради спасения государя. Ситуация — больной родитель (или государь) и герой, жертвующий жизнью ради его спасения, — очень популярна в корейской традиционной прозе. Ср., например, повести «Сим Чхон» (дочь гибнет ради исцеления слепого отца)¹³, «Чок Сонь» (сын отправляется в опасное странствие на поиски чудесной жемчужины, чтобы спасти больную мать — государыню)¹⁴ или предание, записанное А. Эккардтом «Рассказ о жертве мальчика» (сын готов умереть, чтобы избавить мать от смертельной болезни)¹⁵. В предании, так же как и в традиционных повестях, выполнить долг преданного подданного герою помогают высшие силы: появляется горный дух — седобородый старец со своим спутником-помощником тигром и одаривает юношу целебным корнем женьшеня (ср. «Сим Чхон», где героиню, брошенную в море, небесный государь вновь возвращает к жизни и она становится королевой; а в повести «Чок Сонь» младшему сыну помогают добыть чудесную жемчужину бессмертные небожители и сам Будда Шакьямуни). Таким образом, хитрый мастер-шапочник, о котором шла речь в записи из «Событий времен Трех государств» и в предании из провинции Сев. Кёнсан, трансформировался в преданного подданного, совершающего образцовый подвиг: готов отдать жизнь ради спасения государя (ср. сказку, записанную в провинции Кёнги: герой-хранитель тайны в конце концов тоже объявлен преданным подданным).

Обратим внимание на то, что в корейском предании активным персонажем является мать героя. Пара мать и сын в корейском предании вполне могла быть поддержана местной мифологической традицией. Так, в разных записях предания о Тонмёне-Чумоне — основателе северного корейского государства Когурё герой постоянно выступает в паре с матерью, которая направляет его действия и дает полезные советы¹⁶. Известно также, что в государстве Когурё с этой парой был связан культ. Так, в китайской «Истории Северных династий» записа-

¹³ См.: Верная Чхунхян. Корейские средневековые повести. М., 1990, с. 193. (Далее: Верная Чхунхян...)

¹⁴ Рукоп. фонд СПбФ ИВ РАН, ф. В-2, т. 2.

¹⁵ Die Ginsengwurzel., S. 38.

¹⁶ См.: Ли Кюбо. Тонмён-ван пхён пёнсо. Ли Кюбо чакпхум сончжип (Тонмён-Ван. Поэма с предисловием. Избранное Ли Кюбо). Пхеньян. 1959, с. 19—40. Пер. на рус. яз. см.: Корейские предания и легенды. М., 1980, с. 205—228; Самгук юса, с. 78—81.

но: «Имеются две кумирни. Одна посвящена божеству Пуё¹⁷. В ней (кумирне. — *А. Т.*) — женская фигура, вырезанная из дерева. Другая посвящена божеству Кодын. Говорят, что это их (народа Когурё. — *А. Т.*) основатель — предок, сын божества Пуё»¹⁸. Надо сказать, что в Корее вообще были распространены «женские культы» — хозяек гор, «совершенномудрых матушек». Об этом свидетельствуют записи в «Событиях времен Трех государств»¹⁹. В государстве Силла, например, особым почитанием пользовалась мать Хёккосе, основателя государства, которую называли «охранительницей государства» и «божеством Востока»²⁰.

Как нам кажется, в корейском предании не случайна связь матери героя с горным божеством. Возможно, эта связь восходит к древним мифологическим представлениям о матушке-хозяйке горы²¹. Таким образом, история царя с ослиными ушами, попав на корейскую почву, была превращена в традиционное повествование о благородном юноше и мудрой матери. Традиционное повествование не может ограничиться рассказом о том, как герою удалось избежать смерти. «Образцовый персонаж» должен совершить подвиг. Поэтому и появилось продолжение истории царя с ослиными ушами, где юноша выступает как преданный подданный. Такого рода продолжение можно видеть, например, в повести «Ян Санбэк», написанной на сюжет известной китайской истории любви Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай: герои умирают (как в китайском сюжете), но затем Небесный государь возвращает им жизнь и Ян Санбэк (кит. Лян Шань-бо), изгнав врагов, прославляется, т. е. совершает воинский подвиг «образцового героя»²². Характерна и концовка повести «Заяц», написанной на сюжет индийской джатаки о хитрой обезьяне, обманувшей морского царя: в конце корейской повести появляется небожитель и награждает черепаху — по-

¹⁷ Пуё — древнее корейское государство, которое находилось на территории совр. Китая (Маньчжурии) в бассейне р. Сунгари. Сформировалось в начале нашей эры, а в 370 г. попало в зависимость от Когурё (см.: Lee Ki-baik. *A New History of Korea*. Seoul, 1986, p. 21—22).

¹⁸ Бэй ши (История Северных династий) — Бона бэнь эршисы ши (Двадцать четыре династийные истории. Изд. Бона). Пекин, 1958, цз. 2, гл. 94, с. 13809.

¹⁹ Самгук юса, с. 89, 91, 512.

²⁰ Ким Пусик. Самгук саги (История Трех государств). Пхеньян, 1958, т. 1, с. 343—344.

²¹ Например, мать Хёккосе и жена его наследника почитались как хозяйки гор, дарующие дождь, плодородие (см.: Самгук юса, с. 91, 513).

²² См.: Троцевич А. Ф. Указ. соч., с. 106—110.

сланца морского дракона (обманутую Зайцем) за ее преданность государю (выполнение долга должно быть вознаграждено)²³.

Таким образом, «Рассказ о длинных ушах» в изложении А. Эккардта (вернее, его корейского учителя Ким Пончжу) скорее является литературным произведением, нежели фольклорным преданием. Сам А. Эккардт в послесловии к сборнику упоминает, что записанные им рассказы литературно обработаны самим и рассказчиками — образованными людьми и писателями, авторами стихов и новелл, которые печатались в газетах и журналах 20—30-х гг.²⁴ Поэтому вполне возможно, что и «Рассказ о длинных ушах» есть результат литературной обработки Ким Пончжу, которая выполнена в жанре традиционной повести, где герой, как правило, являет собой образец правильного социального поведения. Так на корейской почве иноземный миф о царе с ослиными ушами превратился в историю со многими действующими лицами, написанную в стиле корейской традиционной повести *чон*.

Просмотренные материалы позволяют предположить, что сюжет о царе с ослиными ушами распространен в корейском фольклоре в двух вариантах: один близок тексту, записанному в «Событиях...» и мифу о Мидасе, в другом этот сюжет представлен в виде истории «звериного царя» и героя, сумевшего избежать смерти. Второй вариант, как нам кажется, переделывает чужой сюжет в соответствии с известной многим народам мифологической ситуацией: вредоносное чудовище, требующее человеческих жертв, и герой, избавляющий людей от напасти (в мифах, как правило, чудовище уничтожают). В корейском варианте царя-монстра не убивают, его «нейтрализует» благородное поведение героя — образцового подданного²⁵.

Любопытно, что этот сюжет возродился в современной корейской литературе. Писатель Пан Кихван²⁶ в 1957 г. опубликовал в журнале «Мунхак есиль» («Литература и искусство»)

²³ См.: Верная Чхунхян., с. 327.

²⁴ Die Ginsengwurzel., S. 154—155.

²⁵ Пожалуй, такое разрешение конфликта было в русле корейских культурных представлений. Ср., например, корейскую интерпретацию «поединка Бога Грозы со Змеем»: в отличие от индоевропейской мифологической традиции, где борьба заканчивается победой Бога Грозы и уничтожением Змея, в корейском мифе «поединок» завершается брачным соединением героев (в Боге Грозы воплощено мужское начало, в Змее — женское) и рождением молодого устроителя Космоса. (См.: Троцевич А. Ф. «Поединок Бога Грозы со Змеем» в корейской культуре. — Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993, с. 255.)

²⁶ Пан Кихван (род. 1923) — современный южнокорейский ученый-филолог и писатель, автор ряда повестей, среди которых четыре исторические.

№ 11 роман «Кви» («Уши») ²⁷. В основе сюжета романа лежит запись из «Событий времен Трех государств» — три истории, связанные с правлением 48-го царя Силла Кёнмун-тэвана (см. перевод этого текста в начале статьи): женитьба героя на старшей дочери государя и восшествие на престол, появление змей в опочивальне царя и рассказ про ослиные уши. В «Событиях...» эти три истории не соединены друг с другом причинно-следственными связями, каждая из них самостоятельна. Пан Кихван объединил их в один сюжет, главным героем которого выступает государь Кёнмун-ван. С детских лет он выделялся среди других своими необыкновенно большими ушами — как у лошади или осла. Ыннём (будущий государь Кёнмун-ван) всегда слышал, что «большие уши — знак счастья» — так в повести изначально был снят мотив тайны, центральный во всех преданиях о царе с ослиными ушами.

Пан Кихвана в этом сюжете, очевидно, интересовало другое: неустроенность человека в мире и невозможность для него найти в этом мире свое место. Поэтому персонажи повести получают совсем другие роли, нежели те, которые они имели в «Событиях...». Так, мудрый и смелый хваран Ыннём превратился здесь в человека несообразительного и слабовольного. Кроме того, у него еще и уродливая внешность — уши. «Какие противные! Как у лошади...» — заявила ему младшая красавица-принцесса, которую он мечтал получить в жены. Осознание своего уродства в конце концов привело его к смерти. Герой ущербен и внешне и внутренне, поэтому он не может счастливо организовать свою семейную жизнь и терпит неудачи как правитель.

Другой активный персонаж повести — буддийский монах (в «Событиях...» — наставник хваранов). Это — человек ущербный социально. Он талантлив, преуспел в науках, но низкого происхождения, а значит, путь наверх ему недоступен. Чтобы удовлетворить свои честолюбивые стремления, он сначала ведет Ыннёма к вершине власти, а потом превращает его в жалкого безвольного человека, неспособного к каким-либо действиям. Однако, пытаясь отделаться от никчемного Ыннёма, он погибает сам. И монах в повести показан как человек неустроенный: в этом мире истинный талант никого не интересуется.

Повесть Пан Кихвана, использующая исторические записи, тематически связана с рядом произведений послевоенной Кореи 50—60-х гг., написанных на сюжеты и по мотивам древ-

²⁷ Мунхак есиль (Литература и искусство). 1957, № 11, с. 23—42.

них преданий, включенных в исторические сочинения²⁸. Авторы одних повестей, описывая в занимательной форме современного сюжетного произведения события родной истории, возбуждают интерес корейского читателя к прошлому своей страны (например, рассказ Хван Сунвона (род. 1915) «Лучше мою голову», написанный по мотивам преданий о полководце древнего корейского государства Силла Ким Юсине, включенных в его биографию²⁹). Другие писатели переносили действие древнего предания в современную Корею. Персонажи, сохраняя место и функции героев прошлого, описывались как люди сегодняшней Кореи (например, повесть Чон Хансука (род. 1924) «Песня "Река Йесон"», написанная на сюжет предания «Отдал жену», включенного в «Историю Корё»³⁰).

Для своих произведений на исторические темы современные писатели выбирали предания с драматической коллизией, которая, как правило, разрешалась трагически. Мотивы одиночества и неустроенности человека или даже его гибель, характерные для этих произведений, были в русле послевоенных настроений корейского общества³¹. Повесть Пан Кихвана «Уши», пожалуй, представляет именно этот круг литературы.

Мы попытались по мере возможности раскрыть историю жизни иноземного сюжета, некогда проникшего в корейскую литературу. Встает вопрос, как мог попасть миф о Мидасе в Корею?

В «Словаре фольклора, мифов и легенд» сказано, что сюжет этого мифа «...обнаружен также в Индии, Галлии и Ирландии»³². Индия была традиционным «поставщиком сюжетов» для древней корейской литературы, поэтому вполне вероятно предположить, что историю царя Мидаса могли принести в Корею, например, буддийские монахи, совершавшие паломничества в Индию. Рассмотрим, в каком виде бытовал этот сюжет в Индии.

Миф «Мидас и ослиные уши» лежит в основе сказок о «рогатом царе» и «царе с ослиным копытом», которые стыдятся своего уродства и, боясь разглашения тайны, убивают цирюльников (либо под страхом смерти требуют сохранения секрета).

²⁸ Чан Токсун. Хангук сорхва мунхак ёнгу (Исследование корейских преданий). Сеул, 1978, с. 267—269.

²⁹ См.: Самгук саги, т. 2, тетр. 41—42, с. 297—347.

³⁰ Корё са (История династии Корё), разд. «Трактаты о музыке». Сеул, 1987, т. 6, тетр. 71, с. 268.

³¹ O'Rourke K. Literature After the Korean War. — Korea Journal, 1977, vol. 17, № 6, p. 4—12.

³² Standart Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. New York, 1950, vol. 2, p. 722.

Слуга (или цирюльник), мучаясь тайной, заболевает. Чтобы избавиться от недуга, он выкапывает в земле ямку и проговаривает в нее секрет. На этом месте вырастает тростник (или дерево), из которого делают музыкальный инструмент (дудочку или барабан). На празднике музыкальный инструмент пропел о тайне царя и весь народ об этом узнал. Сказки на этот сюжет распространены по преимуществу в северной и северо-восточной Индии (Гилгит, Бихар).

Например, гилгитская сказка о царе с золотым рогом: рассказывают, будто в древности у гилгитского правителя Шах Раис на голове был золотой рог. Об этом знал только личный слуга, который стриг правителю волосы. Сохраняя тайну, слуга даже заболел. Тогда он отправился в пустынное место, выкопал в земле ямку и крикнул в нее: «У Шах Раис на голове золотой рог!» Затем из тростника, который там вырос, сделали дудочку, а когда стали на ней играть, дудочка пропела: «У Шах Раис на голове золотой рог!» Это случилось на празднике, и Шах Раис, который там присутствовал, был убит³³.

Герой рассказа на этот же сюжет, распространенного в Северном Бихаре, носит на голове два рога и убивает всех цирюльников, которые приходят его брить. В конце концов все оставшиеся в живых цирюльники отказались его брить. Тогда царь нашел дурачка-брадобрея, который под страхом смерти хранил секрет, но от этого заболел. Лекарь посоветовал ему открыть тайну, и брадобрей, отправившись в сад, поведал тайну дереву. Дерево засохло, из него мастер-плотник сделал музыкальный инструмент, который продал танцовщице. На празднике танцовщица стала плясать под аккомпанемент этого инструмента, и тот пропел: «У нашего царя на голове рога!» Царь услышал песенку и допросил брадобрея. Тот рассказал ему, как было дело, Царь простил его, и после этого оба они жили в мире и согласии³⁴.

Такая же история рассказывается о гилгитском правителе с ослиным копытом: слуга, который хранил секрет, отправился в безлюдное место, выкопал в земле ямку и прокричал, что у правителя одна нога как ослиное копыто. На этом месте выросло дерево, из его ветки сделали дудочку, но каждый раз, как начинали играть на этой дудочке, она выводила фразу, которую прокричал слуга. Вскоре весть об этом облетела всю страну, и

³³ Lorimer D. L. R. *The Burushaski Language*. Oslo, 1935, vol. 2, p. 377.

³⁴ Mitra S. Ch. *Studies in the Folklore of North Bihar*. — *The Journal of the Bihar and Orissa Research Society*. 1915, vol. 17, p. 192.

люди приходили из дальних мест, чтобы послушать игру. Правитель, узнав об этом, призвал слугу, чтобы его наказать. Слуга поведал ему, как было дело, правитель подивился и не стал казнить слугу³⁵.

В просмотренных нами текстах сохранено ядро мифа о Мидасе: царь наделен звериными чертами, он хочет сохранить это в тайне, а разоблачается тайна с помощью растения. Однако в сказках не говорится, почему у царя появились рога, нет и шапки, под которой он прятал свое уродство. Кроме того, изменился характер самого царя: он убивает или грозит смертью тому, кто увидел его нечеловеческие признаки, а в сказке из Гилгита убивают самого «звериного царя». Расширился круг действующих лиц. Появился лекарь, советующий заболевшему цирюльнику высказать хранимую тайну, мастер, изготавливающий из тростника (дерева) музыкальный инструмент, танцовщица.

Записи сказок поздние (XX в.), поэтому изменения в сюжете и характеристиках персонажей, скорее всего, связаны с длительным воздействием местных традиций, и в первую очередь мифологических представлений о вредоносном чудовище (оборотне), которого надо обезвредить. После разоблачения «звериный царь» либо погибает, либо умиротворяется.

Среди иноземных источников сюжетов для корейской литературы главным всегда был Китай, поэтому необходимо выяснить, насколько распространен сюжет «царь с ослиными ушами» в Китае. В индексе китайских народных сказок, составленном Дин Най-дуном, указаны три региона, где в сказках встречается этот сюжет: Монголия, Тибет и юго-восточная провинция Фуцзянь³⁶. К сожалению, мы не располагаем сборником народных сказок провинции Фуцзянь, на который ссылается Дин Най-дун. Что касается Монголии и Тибета, то этот сюжет был распространен там в двух версиях. В одной речь идет о царе с бычьими рогами (ср. сказки северной Индии), в другой рассказывается о царе с ослиными ушами. Рассмотрим первую версию.

У Г. Н. Потанина, например, записана легенда о постройке тибетской столицы Лхасса. В эту легенду включена история царя Ландэра, у которого на голове росли бычьи рога.

³⁵ Ghulam Muhammad. *Festivals and Folklore of Gilgit*. Memoirs of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1907, vol. I, p. 113.

³⁶ Ting Nai-tung. *A Type Index of Chinese Folktales in the Oral tradition and Major work of non-religious classical literature*. FF Communications, vol. XCIV₃, № 223. Helsinki, 1978.

Когда закончили постройку Лхассы, на ее стенах изображали всех животных, которые помогали строить, забыли только про быка. Бык обиделся и, чтобы отомстить, возродился в виде царя Ландэра. У этого царя были бычьи рога, но он скрывал их и никто не знал об этом. А тех, кто приходил брить волосы на голове царя, царь приказывал казнить. Очередь брить досталась одному мальчику, единственному сыну у матери. Отправляясь к царю, мальчик попросил мать сделать ему булку, замешанную на ее молоке. Брея царя, мальчик вынул из-за пазухи свою булку и закусил. Джаву-Ландэр спросил его: «Что ты ешь?» «Ем сладкую булку, замешанную на сахаре», — отвечал мальчик. «Дай, я отведаю!», — сказал царь. Мальчик дал булку царю. Царь отведал и говорит: «Да это вовсе не вкусно! Что это такое?» «Это булка, — сказал мальчик, — замешанная на молоке моей матери». «Ойя!» — вскричал царь. — Я ел молоко твоей матери! Теперь ты мне брат. Я не могу тебя казнить. Я не убью тебя, но ты никому не сказывай, что видел на моей голове бычьи рога». Мальчик пошел от царя прочь. И такая разбирает его охота рассказать, что у царя Ландэра на голове есть бычьи рога, что терпеть не может. Он вырыл яму в земле, нагнулся и сказал в яму: «У царя Ландэра бычьи рога на голове». Пахнул ветер и подхватил слова: «У царя Ландэра бычьи рога на голове». От ветра заколебалось дерево и листья его зашептали: «У царя Ландэра бычьи рога на голове». Скоро все звери и все люди узнали об этом. Народ собрался, чтобы обсудить, как быть, как извести царя. К народу вышел гешю (лама) Салун-хор-дорчжи и сказал: «Сколько бы вы ни посылали против царя Ландэра войска, вам не извести его. Пустите меня, может быть, я один его убью. А если он меня убьет, не жалейте меня!» Гешю надел на себя шелковое платье с большими рукавами, какие надевают в чам, в рукава спрятал лук и стрелу и, наплясывая, пошел во дворец. Царь увидел плясуна, он ему понравился, и царь велел позвать плясуна внутрь дворца. Гешю стал плясать перед царем и вдруг вынул из рукава лук, пустил в царя стрелу и убил его, а сам бежал из дворца³⁷.

Похожую историю о царе Джаву-Ландэре рассказывают тангуты, но брить царя здесь призывают девушек. Девушка, единственная дочь у матери, просит мать скатать ей колобок, замешанный на своем молоке. Когда девушка стала брить царя, она вынула колобок и откусила. Царь Ландэр попросил дать и

³⁷ Потанин Г. Н. Тангут-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893, т. 2, с. 199, № 27. (Далее: Потанин Г. Н. 1893.)

ему попробовать. Когда Ландэр поел, девушка начала плакать. «О чем ты плачешь?» — спрашивает ее царь. Она говорит: «Ты меня убьешь, а мне тебя жалко, ты мне теперь все равно как брат, потому что ты съел колобок, замешанный на молоке моей матери». Царь сказал, что не убьет ее, но приказал ей молчать и сохранять в тайне, что у него на голове рога. Девушка старалась хранить тайну и заболела. Позвали ламу, сведущего в лечении болезней. Лама говорит, что болезнь произошла оттого, что девушка скрывает какую-то тайну. Пусть выскажет и все пройдет, посоветовал лама. Девушка говорит, что она не может высказать свою тайну, потому что в этом случае ей угрожает смерть. Тогда ей посоветовали сказать свою тайну в расщелину городской стены. Так девушка и сделала; она нашла расщелину в городской стене, прильнула к ней губами и сказала: «У царя Ландэра на голове есть рога». В расщелине вырос тростник. Один молодой человек срезал тростинку и сделал из нее дудку; выйдя на вершину горы, он заиграл в дудку. Дудка спела: «У царя Ландэра на голове рога!» Услышал эти слова Цагдур (тибетское имя бога), который был в это время на горе. Он подумал: «Этого рогатого царя нужно убить!» Он надел на себя платье, которое ламы надевают во время чама (религиозной пляски), и маску с бычьими рогами; в широкие рукава платья спрятал лук и стрелы и начал плясать перед дворцом. Царь вышел из дворца посмотреть на плясуна. Цагдур пустил стрелу и убил Ландэра, а сам обратился в бегство³⁸.

Тангутская версия близка истории гилгитского царя Шах Раиса: герой, сохраняя тайну, заболел и тогда, вырыв в земле ямку, проговорил в нее свой секрет. Там вырос тростник, из которого сделали дудочку. Дудочка раскрыла тайну рогатого царя, и он был убит.

Предания о царе с ослиными ушами были распространены в основном в Монголии³⁹. Речь идет в них о хане с ослиными ушами, который казнил всех брадобреев, чтобы никто не узнал о его тайне.

...Предок этих князей Эльджиген-нойон имел ослиные уши и скрывал их под шапкой, а обрив волосы, казнил брадобрея. Очередь идти брить нойона выпала мальчику, который был единственный сын у матери. Мать дала ему три капли молока; когда он брил нойона, одну каплю он взял в рот, другую оста-

³⁸ Потанин Г. Н. 1893, с. 233, № 37.

³⁹ László Lőrincz. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979, № 227, S. 126.

вил за пазухой, третью уронил к ногам нойона. Нойон спросил его: «Что это такое?» Мальчик ответил, что это вкусная пища. Нойон поднял, положил в рот, и убедившись, что это было сладко, как сахар, спросил: «Откуда ты добыл такое лакомство?» Мальчик сказал, что мать дала ему на дорогу три капли молока, надоив его из своих больших грудей. Тогда нойон сказал: «Я съел молоко твоей матери, теперь я твой брат, и потому убить тебя не могу, но ты никому не сказывай, что у меня ослиные уши». Мальчик вернулся к матери и говорит: «Что мне делать? Так и хочется сказать!» Мать научила его сказать об этом в нору мыши. Мальчик пошел в поле, нашел мышиную нору и, нагнувшись к ней, сказал: «У нашего нойона ослиные уши!» И вскоре потом повсюду между мышами, собаками и людьми пошел говор: «У нашего нойона ослиные уши!»⁴⁰

В другом монгольском варианте сказки на этот сюжет рассказывается:

В древности был Эльджиген-чиктей хан (ослиноухий хан). Он казнил всех, кто ему стриг волосы. Позвал он мальчика, сына одной бедной женщины. Та скатала хургулов из муки на молоке из своей груди и на сахаре и сказала сыну: «Когда будешь брить хана, ешь это!» Мальчик взял шарики и пошел к хану; во время бритья он остановился и стал есть их. Хан спросил: «Что ты ешь? Дай мне один». Мальчик дал ему один шарик. Хану понравилось, и он остальные выпросил у мальчика. Когда съел их, спросил у мальчика: «Из чего это сделано?» И когда тот рассказал ему состав шариков, хан сказал: «Ну, теперь я пил молоко твоей матери и потому не могу тебя казнить. Иди домой, но никому не говори, что видел». Пошел мальчик домой; идет полем, трава (олен) колышется, он думает, что она спрашивает его, что он видел, и так хочется ему сказать ей. Не вытерпел и сказал траве: «У нашего хана ослиные уши». Идет дальше; мыши выглядывают из нор и пищат: «Чирт, чирт!» Он думает, что они его спрашивают, что он видел, и так ему опять захотелось сказать. Не утерпел и сказал мышам: «У нашего хана ослиные уши!» Идет дальше; стоит дерево, ветви его качаются... Поехал хан по своему ханству, трава качается и нашептывает: «Вот едет хан с ослиными ушами!» Дерево шумит листьями: «Вот едет хан с ослиными ушами!» Тогда хан подумал: «Те-

⁴⁰ Потанин Г. П. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV, СПб., 1883, с. 294.

перь узнали не только все подданные, но и трава, и лес, и звери». И перестал казнить⁴¹.

В тибетском, тангутском и монгольском преданиях смещен акцент: в центре повествования стоит не правитель, имеющий признаки зверя, а юный герой, хитростью избежавший смерти и разоблачивший тайну царя. Кроме того, здесь появился новый активный персонаж — мать героя, которая полезным советом помогает сыну (дочери) спастись от смерти. Возможно, и в корейском «Рассказе о длинных ушах», записанном А. Эккардтом, фигура матери появилась не без влияния этих преданий (ср. два других корейских текста на сюжет мифа о Мидасе, где этот персонаж отсутствует). Очевидно, сюжет о Мидасе был распространен в Восточной Азии: А. Эккардт, например, упоминает, что в 1924 г. слышал похожий рассказ в Южной Маньчжурии⁴². Вполне возможно, что в случае с корейским повествованием мы имеем дело с так называемым вторичным заимствованием, т. е. сюжет попадает в Корею второй раз, уже в расширенном виде, и вполне вероятно, от северных соседей (Монголии, Маньчжурии). К тому же в древней записи из «Событий...» история царя с ослиными ушами была связана с правителем южного государства Силла, а в изложении Ким Пончжу события происходят в северном государстве Пуё (ср. приведенные выше записи преданий, где дело происходит либо в древнем государстве Силла, либо в некоем «большом государстве»).

В монгольском, тангутском и тибетском преданиях, так же как и в корейском, мать помогает сыну в трудной ситуации, но в первых ее помощь материальна (печет лепешки, замешанные на своем молоке), в корейском же мать просит поддержки высших сил, горного духа. Как было отмечено выше, такая интерпретация могла быть связана с местной мифологической традицией.

Итак, история царя Мидаса была распространена по северным границам Китая — в Тибете, у тангутов, монголов и, как сообщает А. Эккардт, в Маньчжурии, а также в северной и северо-восточной Индии (Гилгит, Бихар). Каждый народ вносил в этот сюжет свои поправки в соответствии с местными традициями, при этом оставляя без изменений основную цепь событий: царь имеет звериные признаки и держит это в секрете, в тайну посвящен один человек, он долго хранит ее, но не вы-

⁴¹ Потанин Г. П. Очерки Северо-Западной Монголии..., с. 294—295.

⁴² Die Ginsengwurzel., S. 38.

держивает и открывает растению, а от растения о «зверином царе» узнают все. Признак зверя царь носит на голове (ослиные уши). В Индии у правителя вместо ослиных ушей на голове растут рога, он приобретает черты жестокости (убивает цирюльников). Рогатый правитель-убийца стал персонажем тибетских, тангутских преданий. В монгольских и корейских преданиях сохранен оригинальный образ царя с ослиными ушами, скрывающего звериные черты под шапкой, однако новый для этого сюжета мотив царя-убийцы можно видеть и в этих текстах. Общей особенностью индийских и восточно-азиатских интерпретаций мифа о Мидасе является отсутствие начала: не сказано, почему у правителя появились ослиные уши или рога — просто в стране был такой царь и произошли в связи с этим такие события (исключение — тибетское предание о постройке Лхассы, где сообщается, что обиженный людьми бык переродился и стал жестоким царем с рогами).

Важный момент в истории царя Мидаса — раскрытие тайны. В индийских преданиях появляется мотив болезни хранителя секрета. Болезнь и вынуждает его рассказать о царе-монстре. Мы не встречали подобный мотив в тибетских и монгольских записях, но в тангутском и корейском преданиях он есть. Хранитель тайны открывает секрет «звериности» царя либо растению, либо земле (роет яму, находит нору, расщелину), из которой вырастает растение. Дует ветер и растение рассказывает об этом всем. Либо из растения делают музыкальный инструмент (дудочку, барабан), и этот инструмент вместо мелодии выдает тайну царя.

Ближе всех к оригинальному тексту мифа о царе Мидасе корейские предания (ранняя запись в «Событиях...» и предание из провинции Сев. Кёнсан). В других фольклорных произведениях сохраняется последовательность событий, заданная мифом, но при этом значительно изменились фигуры персонажей, появились новые действующие лица и связанные с ними ситуации.

Замеченные особенности в интерпретации сюжета позволяют предположить, что история Мидаса попала в Восточную Азию, проделав путь через Северную Индию, Тибет и Монголию. При этом, двигаясь на восток, сюжет обрастал новыми мотивами. Можно выделить две группы преданий: индийскую и азиатскую. Для индийской группы характерны мотивы: рогатый царь, убивающий цирюльников, болезнь хранителя тайны и способ разглашения тайны через музыкальный инструмент. В азиатской группе, как правило, сохраняются мотивы, появившиеся

в индийской, но добавляется новый — матери-помощницы, спасающей сына (дочь) от смерти.

К азиатскому типу, пожалуй, примыкают и два корейских предания (записанное Эккардтом и текст из провинции Кёнги). Как уже было отмечено, здесь, скорее всего, можно говорить о вторичном заимствовании — более позднем. Ранний текст, записанный в «Событиях...», весьма близкий оригинальному мифу о Мидасе, позволяет предположить, что сюжет царя с ослиными ушами могли принести в свою литературу сами корейцы (как показывает современная запись предания «Монастырь Торим», ранний вариант, включенный в «События...», очевидно, был распространен в устной форме).

Мы попытались рассмотреть путь западного сюжета, некогда проникшего в корейскую литературу. Напомним, что памятник, в котором сохранилась ранняя запись, относится к концу XIII в. Какова была дальнейшая судьба этого сюжета, неизвестно. Вполне вероятно, его можно найти в каком-либо из сборников литературы *пхэсоль* — собраниях коротких рассказов и заметок⁴³. Можно только с уверенностью сказать, что он безусловно продолжал жить в устной традиции. Об этом свидетельствуют современные записи преданий, в которых сохранилось основное ядро мифа о Мидасе.

Как показывают записи индийского, монгольского, тибетского и тангутского фольклора, история царя Мидаса была распространена в Северной Индии и Восточной Азии. Местная культурная традиция преобразовала сюжет и, очевидно, уже в таком преобразованном виде он снова попадает в Корею.

На рубеже XIX—XX вв. эта история оформилась в Корею в виде классического повествования, где главным героем становится юноша из бедной семьи, обладающий высокой внутренней природой «образцового подданного». Рассказ о пути героя от безвестности к славе и составляет основное содержание повествования. История царя с ослиными ушами служит здесь лишь одним из эпизодов, где герой демонстрирует свою сущность преданного подданного.

Наконец, в современной литературе Кореи запись о царе с ослиными ушами послужила основой для повести, обсуждающей проблемы, актуальные для корейского общества 50—60-х гг. Ее перевод представлен ниже.

⁴³ См.: Елисеев Д. Д. Корейская средневековая литература *пхэсоль*. М., 1968.

Пан Кихван

Уши

Пятнадцатый год правления 48-го царя Силла Кёнмун-вана. Похолодали осенние ветры, и опять в сердца жителей столицы закралась тревога. Только миновали стихийные бедствия, кончились мятежи, как несчастный истрадавшийся народ столкнулся с ужасными, невероятными событиями, которые шли сплошной чередой, случались чуть ли не каждый день.

— Вчера в столице среди бела дня стая ворон закрыла все небо, трижды прокаркала: «Лошадиные уши! Лошадиные уши!» — и улетела.

— Если б только это! Вот вчера вечером прямо у ворот дворца собрались откуда-то сотни, тысячи лошадей и принялись ржать: «Отдай мои уши! Отдай мои уши!»

— А еще... Глубокой ночью на холме за дворцом появилась красивая девушка и с отчаянием в голосе прокричала: «У царя лошадиные уши! У царя лошадиные уши!»

— А сегодня утром что было... Из дворцового колодца вышло чудище — наполовину лошадь, наполовину дракон — и взлетело высоко в небо. А лицом-то! Будто царь с лошадиными ушами!

— Вот теперь еще и лошадиные уши... Не последние ли времена настали?

— Похоже, что так оно и есть.

— Да уж, хорошего мало...

Люди толковали, выпучив от страха глаза, с побелевшими лицами.

1

Царь с лошадиными ушами (Кёнмун-ван) был из рода Ким и носил имя Ыннём. Его отец, по имени Кемён, — сын Хиган-вана (43-го царя Хиган-вана), а мать была дочерью 45-го

царя Синмун-вана. Народ прозвал Кёнмун-вана «царем с лошадиными ушами», и вот почему.

С детства он выделялся среди других величиной своих ушей. Как они были велики? Да на целую ладонь больше обычных. Уши удивительные! Мочка такая же, как у всех, но дальше они выглядели иначе. Верхняя часть ушной раковины торчала над головой, как у осла или лошади. Выглядело это не очень-то привлекательно, однако окружающие твердили:

— Оба уха у него уродились на славу. Уши большие — значит прославится, — нахваливали они.

Не знаю, искренне ли они говорили, будто его уши выросли на славу? А может просто заискивали перед семьей царского рода?

Каждый раз, когда Ыннём слышал разговор о том, как славно выросли уши, у него поднималось настроение: большие уши — знак счастья, думаю, что и счастье меня ожидает большое, не такое, как у других. Пожалуй, стоит мне что-либо задумать, все на свете должно получиться!

Он твердо верил, что людская лесть — это истинная правда, а вовсе не лесть. Вот только один человек... Часто у края дороги стоял какой-то незнакомый монах и, пристально глядя на него, принимался расхваливать уши, но почему-то похвалы именно этого человека были ему неприятны.

Знатность семьи да и его собственные черты характера способствовали тому, что и авторитет, и счастье сами к нему шли. В детские годы он был таким же, как и его ровесники, но всегда держался главарем. Возмужав, в восемнадцать лет он, на зависть другим молодым людям, стал хвараном. Как хваран он отправился учиться в чужие края и вот теперь возвратился домой. Тут пришло известие, что государь (47-й Хонан-ван) изволил пригласить его на пир в «Павильон, где любуются морем». Вся семья принялась обсуждать: государь дает пир и призывает Ыннёма — непременно случится что-нибудь хорошее! А что может произойти? Дадут высокую должность? Но он еще возрастом не вышел. А если что другое, то может быть... Мать вздыхала: у царя две дочери. Одна старше Ыннёма на два года, ей было двадцать, а младшая принцесса была старше на один год, ей было девятнадцать. Которую же из двух принцесс?

И возраст, и положение семьи позволяли надеяться, что одну из дочерей дадут ему в жены. А кроме того, ведь он так выделяется среди молодых людей его круга! Мать волновалась, и он тоже. Если б ему дали в жены принцессу...

Быстрыми шагами Ыннём вышел из дома и хотел было сесть в повозку, как путь ему преградил монах. Он поджидал его у ворот и, как только Ыннём появился, стал пристально на него смотреть. Этот монах был средних лет, довольно неказистый на вид и одет неряшливо. При маленьком росте огромный лоб, нос приплюснут, щеки ввалились и губы тонкие. Только лучики света в зрачках его узких глаз снимали неприятное впечатление и придавали его внешности необыкновенность. Ыннём, увидев его, нахмурился: а, это тот самый монах, который ему часто встречался и нахваливал уши, но всякий раз его похвалы вызывали неприязнь.

— Стоишь тут, людям дорогу загораживаешь... Кто ты такой?

Хоть Ыннём и был молод годами, но уже познал вкус власти. Он выбрал монаха с важным видом, монах же в ответ начал низко кланяться:

— Вы изволите быть Ыннёмом, сыном в семье просвещенного высокого сановника?

Ыннём и сам не понимал, отчего ему был противен этот монах. Вообще-то он любил в людях мужественность, а тут — неопрятный вид и подбострастная фигура. Может, они и вызывали такую неприязнь? Ыннём не разомкнул губ, не сказал ни слова, только головой кивнул.

— Я тороплюсь. Если у тебя есть что сказать, зайди потом, — бросил он.

Однако монах, дотронувшись до его спины, вдруг повел такую речь:

— А знаете ли вы, что соизволит сегодня сказать государь?

Ыннём сразу остановился и обернулся. Хоть и неприятен был ему этот человек, но он заговорил именно о том, что волновало его, когда он выходил из дома. Ыннём стоял, а монах согнулся в низком поклоне, но в его глазах и на краешке губ мелькнула усмешка.

— Прошлой ночью мне сон приснился... — начал он и, притворно кашлянув, продолжил: — В каком-то месте, вроде дворца, дают пир. Сидят там важные сановники, а государь обращается к некому молодому человеку с необычно большими ушами. Не такой ли он изволит задать ему вопрос? «Вы странствовали по свету, встречали мудрых людей, видели добрые дела. Так расскажите нам про них!» Однако юноша не отвечает, только голову опустил.

Для того чтобы завести этот разговор, монах и стал поджидать Ыннёма.

— Если государь задает такой вопрос, что же ему следует ответить? — продолжал монах.

Ыннём был весь внимание. Сон, пожалуй, не простой, ведь такого вопроса и на самом деле можно ожидать, но что сказать в ответ, он никак не мог сообразить. Ыннём прямо застыл, уставившись на тонкие губы монаха.

— С вашего позволения ответить следует так, — принялся ему втолковывать монах. — Первое — человек родился в знатной семье, но скромнен и занимает более низкое место, чем другие. Второе — человек богат, а умерен во всем. Третье — у человека есть власть, только он ею не пользуется — вот каких людей я повидал!

Монах умолк и повернулся было, чтобы уйти, но замедлил шаги.

— Да, еще одно. У государя две дочери, и одну из них он даст вам в жены. Вы же не знаете, которую взять. Так вот, возьмите старшую, тогда получите три блага, — проговорил монах и тут же исчез.

Какое-то время Ыннём ошеломленно глядел на удаляющуюся фигуру, а потом сел в повозку и направился во дворец. Сперва он несколько растерялся и даже взволновался из-за пережитой встречи, но вскоре успокоился, решив, что слова монаха не стоят внимания.

«Человек высокого звания занимает низкое место? Богатый живет скромно? Имеющий власть не пользуется ею?» Как это все было не похоже на тот образ жизни, который вел он сам. Сын в знатной семье, у него и высокое положение, и счастье. Уверенный в себе, он высокомерно обращался с людьми низкого звания, не знал, что значит бережливость, а просто пользовался своим богатством. Он — человек из породы имеющих власть! Ыннём осознавал это с великой гордостью.

«Мерзкий монах...» — скривился он. А совет взять в жены старшую принцессу даже тоску навел. Про младшую дочь он слышал, будто красотой с ней во всей стране никто не сравнится. О старшей же все знают, что она просто безобразна. «Противный монах...» — Он даже плюнул в повозке. «Этот паршивец, что он может знать...», — Ыннём даже головой тряхнул, словно выкидывая из нее речи монаха. Однако во дворце, представ перед государем, он все же начал побаиваться его вопросов.

— Ты — хваран, долгое время постигал науки в других странах, — начал государь. — Ты много всего повидал — и мудрых людей, и добрые дела. Так расскажи нам о них!

Ну что тут скажешь? Будто подслушал давешние речи монаха! Ыннѣму не захотелось отвечать по подсказке, он изо всех сил старался сказать иначе, но ни одна мысль не приходила ему в голову. Начал было перебирать в уме то, что видел и слышал, когда странствовал по свету. У него было одно свойство, которое поддерживало его самоуверенность, — это умение почувствовать, за что можно удостоиться похвалы. Теперь и этого не осталось.

— Отчего ты не отвечаешь? Неужто не привелось встретить мудрого человека или увидеть доброе дело?

Государь торопил с ответом. Во что бы то ни стало надо было хоть что-то сказать. «А может, ответить, что ему не привелось встретить мудрого человека и увидеть доброе дело?.. Ну что, что же он видел, когда странствовал как хваран? Вот сейчас, прямо тут возьмут и выбранят... Как слугам выговаривают в присутствиях. Нет, только бы не отругали», — лихорадочно думал он. Осталось лишь сделать то, что было ему так противно — произнести те слова. Делать нечего...

— Во-первых... — И тут он как попугай повторил все, что говорил ему монах. Даже с воздушевлением произнес подсказанное этим дрянным монахом...

Государь выслушал его ответ и сперва раскрыл глаза от удивления. Потом прикрыл их, снова открыл и, что-то сказав государыне, которая сидела рядом, проговорил:

— Хорошие речи. До сего дня я иначе о тебе думал, — и дальше, с теплотой в голосе: — Ты хорошо знаешь, что у нас две дочери. Мы и прежде думали о тебе, но нам казалось, что ты слишком горяч, невоздержан в мыслях, и потому сомневались в тебе. А теперь, услышав такую речь, с легким сердцем предлагаем тебе дочь. Которая тебе по душе, выбирай!

И опять перед ним всплыл совет того монаха. Он ненавидит его подсказки, но ведь следует им беспрекословно. Вот только совет взять в жены не младшую принцессу кажется сомнительным. Поэтому он колебался.

— Ничего, если ты дашь ответ не сразу. Посоветуйся с родителями, тогда и ответишь, — с улыбкой произнес государь.

Дома его встретила мать.

— Не спрашивал ли тебя государь о том, что ты видел необыкновенного, пока учился в чужих краях?

— Откуда вы узнали? — поразился он.

— Заходил к нам какой-то монах, он и сказал. Вряд ли, конечно, было так... А принцессу тебе предложили?

Тогда Ыннѣм подробно рассказал о беседе с государем.

— Это не простой монах. Ты и впредь его слушайся. Как и посоветовал монах, было бы хорошо выбрать старшую принцессу, — сказал свое слово отец.

У Ыннёма и теперь недостало сил сопротивляться монаху, но стоило ему только вспомнить безобразное лицо старшей принцессы, как весь мурашками покрылся, хотя ему только и осталось, что закрыть глаза и согласиться.

В том же году поторопились провести церемонию бракосочетания, и Ыннём встретил старшую принцессу Ёнхва как жену.

На следующий год после того, как старшая принцесса стала его женой, в первой луне внезапно ухудшилось состояние тяжелобольного царя. Кто знает, возможно, государь обрел чувство покоя, когда нашел пару для своей некрасивой старшей дочери. Ведь это постоянно его тревожило. И вот, когда настал его смертный час, государь призвал сановников и повел такую речь:

— У нас, к сожалению, есть только дочери, а сына нет. Прежде случалось таким женщинам, как Сондок и Чиндок, занимать царский престол. Однако если женщина становится во главе государства, происходят дурные события. Как вы знаете, мой старший зять годами еще молод, но я вижу, что в будущем он достигнет больших высот.

Как знать? Если взглянуть по-человечески, может быть, как отец он испытывал чувство благодарности к тому, кто сам выбрал его некрасивую дочь.

* * *

Миновало уж два года с того дня, как Ыннём взошел на царский престол. И тут опять объявился тот самый монах. Все это время о нем не было слышно. Его лицо сохранило те же отталкивающие черты, что и прежде, только платье было опрятным. Монах сказал, что хотел было уйти в горы, чтобы постичь истинный путь, но чувствовал себя виноватым перед государем и потому явился снова.

— Ты чувствуешь себя виноватым?..

— Я хорошо знаю, что государь хотел взять в жены младшую принцессу, но ради великого дела я дал вам совет жениться на старшей. Теперь великое дело свершилось, и это, конечно, огромное счастье, но, с другой стороны, я виноват перед вами.

Помолчав немного, монах продолжил:

— Я ведь тоже был молодым... — вздохнул он. В словах монаха чувствовались нежность и любовь, словно это был совсем другой человек. Государю захотелось сгладить чувство неприязни, которое он к нему испытывал.

— Значит, для великого дела иначе было нельзя, — проговорил он с теплотой в голосе.

— Да нет, отчего же нельзя? Возможность есть. — И монах, будто желая остановить его возражения, даже руками замахал.

— Худо ли будет, если вы сделаете младшую принцессу второй супругой? — быстро заговорил он.

Ыннём задумался. Все это, конечно, так, но он женился на старшей принцессе и другой жены, кроме нее, у него не будет. А взять в жены еще и ее младшую сестру — вроде не очень-то хорошо. Ведь это все равно, что сказать государыне: «Знаешь, я женился на тебе только для того, чтобы расположить к себе покойного государя, а потом занять престол. Теперь же мне ни к чему такая безобразная жена, как ты, и я хочу получать удовольствие с твоей хорошенькой младшей сестрицей».

Государь был в нерешительности, а монах вкрадчивым голосом внушал ему:

— Отчего вы колеблетесь? Государь — хозяин в стране. Разве может быть для вас что-нибудь невыполнимое?

Выслушав его, Ыннём сам устыдился своей нерешительности. С юных лет он привык делать так, чтобы самого себя успокоить.

А монах продолжал:

— Кроме того, вы, государь, благодаря таким прекрасным ушам обладаете особым счастьем, другим это не дано. Так что и беспокоиться не о чем.

«Большие уши — знак счастья», — вспомнил Ыннём слова старших и согласился младшую принцессу сделать второй женой. Как только государь принял решение, монах снова куда-то исчез.

Выбрали день для бракосочетания со второй женой. Это была осень, 15-й день девятой луны — время, когда собран урожай, народ сыт и можно устроить пир, чтобы от души повеселиться. В такую пору уже не жарко, но холода еще не настали — самое время испытать радости наслаждения женской красотой. Молодой государь с замиранием сердца отсчитывал по пальцам, ожидая, когда наконец придет этот день. Он должен был вот-вот наступить, но как раз накануне Юнхын, сановник высокого ранга, вместе со своими младшими братьями Сукхыном и Кехыном замыслил мятеж, но заговор раскрыли и они

бежали в горы недалеко от столицы. Надо же случиться такому несчастью! Конечно, их следовало поймать и казнить, но государь не решался. Ему не хотелось видеть кровь перед ожидаемым большим праздником. И тут вдруг опять откуда ни возьмись явился монах.

— В стране такое событие... Можно бы и отложить свадьбу со второй супругой, а разбойников надо казнить как можно быстрее. Если это оставить так, они снова соберут единомышленников. А что вы будете делать, когда они станут сильнее?

Как и прежде, монах безусловно был прав, но его совет вызывал отвращение. Государь нахмурился, однако приказал схватить мятежников.

В эту же ночь их всех изловили, но Ыннём не хотел крови из-за предстоящего радостного события, поэтому решил, что если и наказывать мятежников, то сделать это гуманно. Только он собрался распорядиться, как тут же явился монах.

— Замышлявшие мятеж должны быть казнены! Если этого не сделать и наказать гуманно, вы всем покажете свою слабость. А если государь покажет подданным свою слабость, то такого рода дела не прекратятся, в конце концов случится какая-нибудь беда. Неужто вы не понимаете?

И опять монах вел правильные речи. Однако в ответ Ыннём нарочно проговорил:

— Разве ты не говорил некогда, что, мол, похвально, если человек, занимающий высокое положение, скромн и сидит на более низком месте, чем другие?

Монах пристально посмотрел в лицо государя и некоторое время не произносил ни слова. Потом наконец усмехнулся:

— Ваши речи искренни?

Его глаза словно просверливали Ыннёма. Глаза холодные, как у змеи, от прежней усмешки не осталось и следа.

— Тогда было одно время, нынче — другое. Про то, что человек, занимающий высокое положение, должен обладать скромностью — вы внушайте своим важным сановникам, а хозяину множества людей — такому, как государь, это не подходит.

Опять Ыннёму нечего было возразить, и он приказал казнить мятежников.

Казнь должна была состояться посреди большой дороги, чтобы видело множество людей. И государь смотрел на это зрелище, сидя на возвышении. Вот притащили главаря мятежников Юнхына. Его руки и ноги привязали к повозкам, запряженным откормленными пегими быками, и тут же хлестнули их бичами. Пегие быки шумно выдохнули и с силой рванули в

разные стороны. Преступник с раздирающим уши воплем был разодран на куски... Потом притащили его младшего брата Сукхына. Он видел казнь старшего брата и был в шоке от ужаса, лицо побелело, как бумага, он весь дрожал. Глядя туда, где сидел государь, Сукхын умоляюще сложил руки и знаками просил даровать ему жизнь. Однако и его привязали к четырем телегам, так же как старшего брата Юнхына, четырех пегих быков хлестнули бичом по спинам, и Сукхын заорал что есть мочи, с выпученными глазами, кричал и кричал.

— Негодяй! Истинный разбойник — ты! Когда-нибудь попадешь на тот свет — там тебе покажут власть!

Это были вопли, можно сказать, мертвеца, но в присутствии многочисленных слушателей государь, несмотря на всю свою самоуверенность, не мог так просто выслушивать брань в свой адрес. Его аж затрясло.

— Разорвать на куски этого мерзавца! — рывкнул он, но тут вдруг кто-то тронул его за рукав и прошептал на ухо:

— Успокойтесь! Перед народом государь должен проявлять великодушие.

За его спиной стоит этот монах! И опять он говорит правильно. Но как противно его слушать! Давеча запрещал быть милосердным, а теперь наоборот — покажи великодушие! А все же он прав.

Казнь мятежников кончилась. После этого провели церемонию возведения младшей принцессы в сан второй супруги государя. Теперь монах снова ласково заговорил с Ыннёмом:

— Помните, в тот раз я посоветовал вам взять в жены старшую принцессу? Разве я тогда не говорил вам, что если вы поступите так, то получите три блага? Теперь я могу назвать вам их. Вы взяли в жены старшую принцессу — и теперь взошли на царский престол — это первое благо. Нынче вы легко смогли получить в жены и младшую принцессу, к которой лежала ваша душа — это второе. Только потому, что в свое время женились на старшей, вы, государь, теперь вполне счастливы. А разве это не доброе дело? Вот все блага, обретенные вами, а теперь, пожалуй, больше не встретимся, — сказал он и куда-то исчез.

После церемонии, когда окончился шумный пир, глубокой ночью государь вместе со второй супругой вошли в опочивальню. Ыннём снял шляпу, даже шапочку под ней и, тяжело дыша, обнял нежную шею жены. Но она, опустив голову, закрыла лицо руками.

— Что ты? Почему стесняешься?

Ыннём грубо стиснул в ладонях ее обе щечки и заглянул в глаза. В тусклом мерцании светильников ее невинные веки чуть-чуть дрожали. «Двадцать два года, вполне созрела, — подумал Ыннём. — Зрелая женщина, а такая милая, наивная».

— Стыдишься? Но теперь уж мы должны быть вместе, все равно что одно тело... — А про себя подумал: «Она же не познала мужчину, а если хоть раз изведает...»

Он с силой привлек ее к себе, и вдруг она закричала в ужасе:

— Уши... Уши...

— Уши? Что уши?

— Какие противные! Как у лошади...

Государь вытаращил глаза и отпустил ее лицо. Такое о своих ушах он слышит впервые. Прежде их только хвалили. Противные... Как у лошади... Да ведь это оскорбление! Он почувствовал, как слабеет его мужская сила, а вместо нее растет бешеный гнев.

Ыннём пронзил ее взглядом. Какая она противная! Сидит, отвернувшись, да еще лицо руками закрыла.

— Баба неотесанная...

Он прямо швырял в нее бранными словами.

— Тварь! Хоть ты и дочь покойного государя, как посмела... Теперь я государь! — От досады он прямо плевался ругательствами. И вдруг подскочил к ней — руки-ноги дрожат, расвирепевший дикий зверь! Царица заметалась, пытаясь убежать от него, но Ыннём схватил ее за волосы и стал совать ей в лицо, в рот свои противные уши.

— Ну как мои уши? Вкусные? Противные? Попробовала?

Она плевалась, Ыннём же свирепел все больше. Разодрал в клочки платье, ее ноги обнажились, а он все продолжал злобно совать свои уши в ее прекрасное лицо.

Наконец он остановился. Любовь, которая таилась в его сердце, исчезла без следа, лишь ненависть жгла грудь. Как посмела эта смазливая девчонка так мерзко поступить?

А царица не шевелилась, будто сознание потеряла. Тогда государь поднялся и вышел. Осенний ветер освежил горящие уши, он потрогал их рукой. Полжизни уши были предметом гордости, а теперь он стыдился их и, конечно, не мог не страдать. Ыннём тотчас же возвратился в опочивальню и натянул на голову шапку, которую прежде сбросил. Ему захотелось как можно быстрее запрятать эти ненавистные уши.

Нигде и никогда не открою свои уши, чтоб никто не узнал, как они безобразны, огромны — лошадиные! А те, кто их

видел прежде, постепенно забудут... — решил государь, но напрасно он принимал это решение.

— У царя лошадиные уши! Ха-ха-ха-ха! У царя лошадиные уши! — донесся вдруг снизу громкий крик. Это обезумевшая царица кричала, как вспугнутая птица. В разорванном платье, почти нагая... Внезапное потрясение лишило ее рассудка.

Ыннём быстро закрыл ей рот рукой. Царица резко отдернула его руку и все кричала и кричала. Он сильнее прижал руку, она скорчилась от боли, забила ногами. Теперь ее голос был едва слышен. Государь коленом придавил ей грудь, а рукой сдавил горло. Царица скорчилась, несколько раз дернула ногами и наконец затихла. Она перестала дышать.

Ыннём растерянно уставился на ее лицо, распростертое тело, но вдруг, спохватившись, расправил разорванное платье, пригладил растрепанные волосы и только после этого позвал людей.

В глазах придворных, вошедших в опочивальню, изумление сменилось ужасом, недоверием. А государь бросил лишь краткое приказание:

— Уберите труп!

После смерти царицы государь стал избегать встреч с людьми. Днем ли, ночью ли, пробираясь в опочивальню, он все время кого-то успокаивал, хотя возле опочивальни и близко никого не было. И во дворце, и по столице поползли о государе тревожные слухи.

И тут вдруг снова появился монах. Сделав вид, будто не слышит замечаний придворных о том, что государь никого не принимает, он прошел прямо в покои.

— Я думал, что нам больше не придется встретиться, но теперь случилось так, что нельзя было не повидаться.

Государь лежал в постели, лишь голову повернул и взглянул на монаха налитыми кровью глазами. Усмехнувшись, он слабым голосом бросил фразу:

— И на этот раз явился помочь мне?

— Что за речи? — Монах посмотрел в лицо государя. Тот был в шапке, глубоко надвинутой на голову.

— Пожалуй, мы с тобой уже обсудили все мои трудности.

— Я знаю, что государыня покинула этот мир, поэтому я и пришел поговорить с вами.

— Да? Чем же ты мне поможешь на этот раз? — В словах государя звучала насмешка. Но монах не обратил внимания, а как и прежде, поклонившись несколько раз, проговорил:

— Какое-то время я должен побыть рядом с вами. Сейчас, конечно, случилась такая беда, но ради будущих дел...

Ыннём лежал отвернувшись, будто заснул. Монах осторожно отошел от постели и уселся неподалеку, чтобы подремать.

2

Он застыл со странной усмешкой на губах, а глазами так и сверлил спину Ыннёма, который лежал отвернувшись и не шевелился.

Вдруг государь вскочил с ложа и крикнул тихо дремавшему монаху:

— Что это? Ты что-нибудь сейчас сказал?.. Ты ничего не говорил?..

Монах спокойно ответил:

— Не сказал ни одного слова.

Государь пристально посмотрел на губы монаха. Его рот был плотно закрыт.

— А этот голос?.. Ты не слышал?

У государя на носу выступили капельки пота, глаза словно остановились.

— Я не слышал ни звука.

Монах даже кашлянул и, как прежде, сидел, не произнося ни слова.

— Ах ты, негодник! Глухой ты, что ли? Не слышал голоса?

Ыннём подскочил к окну, раздвинул занавес и выглянул. Снаружи никого не было. Сжав руками голову, он вернулся к постели.

— Странно. Я так ясно слышал... Будто ее увидел, этот голос... У царя лошадиные уши...

Он ощупал уши, спрятанные под шапкой, и снова улегся в постель. Монах краем глаза холодно наблюдал за его безумными метаниями. Удовлетворенная улыбка блуждала на его губах. «Прежде шел в гору, — размышлял монах, — а теперь с горы. И все это творит лишь кончик моего языка...»

Да и на самом деле, вплоть до сего дня монах старался устроить жизнь — положение и счастье Ыннёма. Вот почему теперь он и был здесь.

Монах с юных лет отличался незаурядным умом, можно сказать, был настоящим «дивным отроком». И люди так говорили, и сам в это верил. Поэтому он жил убеждением, что в будущем сумеет получить высокую должность и тогда насладит-

ся всевозможными благами. Но постепенно взрослея, он начал понимать, насколько пустыми были мечты его юности. Впервые, не вышедя происхождением: он родился в семье, которая жила крестьянским трудом, обрабатывая землю в обыкновенной провинции. Какое-то время он очень сокрушался из-за низкого происхождения. Родись я в хорошей семье, думал он, конечно смог бы стать сановником второго ранга или и того выше. Мысли его день ото дня делались все более мрачными. Он стал избегать людей и радовался одиночеству. Под влиянием характера и образа жизни изменилась даже его внешность, и люди, кем бы они ни были, не любили его. В конце концов он оставил мирскую жизнь и принял монашество. Но и достойный монах из него не получился, он стал бродяжничать по всей стране.

Однако к сорока годам ему стало невыносимо вести такую одинокую жизнь. Если я сойду с человеком, у которого происхождение не такое, как у меня, и сумею вертеть им так, как мне захочется, я дам жизнь своим способностям и сам добьюсь необыкновенной славы — вот какие мысли у него появились. Он не хотел зарывать в землю свой необычный талант, а оставлять его так, без употребления — разве это не все равно, что выбрасывать последнее, что у него еще оставалось? Ему хотелось доказать, что он обладает большими способностями, чем кто бы то ни был, просто у него не было возможности их проявить. Другим показать и доказать самому себе — вот что надо делать. Тогда не только прославлюсь, но и почувствую, зачем родился на этом свете.

И вот он потихоньку принялся подыскивать себе подходящего человека знатного происхождения. Ыннём и был тем, кто его полностью устраивал: и рода царского, и хвараном стал, а в будущем, без сомнения, займет самую высокую должность в государстве. Ыннём, пожалуй, сможет подняться на самый верх, считал он. Нынешний государь Хонан-ван человек болезненный, сына у него нет, только две дочери. Если б только Ыннём стал парой для одной из дочерей... Не знаю, может быть, и доберется до царского престола.

Вот теперь он верит: если только Ыннём взойдет на царский престол, его маленькая мечта осуществится. Он исподтишка наблюдает, что за человек этот Ыннём, и ждет своего часа. Заметив его отвратительные длинные уши, которые могли вызвать только хохот, он решает, что и это со временем пригодится, поэтому при каждом удобном случае эти уши расхваливает. Тем временем Ыннём возвращается из чужих земель, куда он как

хваран был послан на обучение. И вот до него доходит весть, что государь устраивает во дворце пир и призывает к себе Ыннёма. Вот, решает он, и настало время, которого я так ждал. Он старательно рассчитывает, какие отношения могут сложиться у государя с Ыннёмом. У государя две дочери, старшей двадцать, младшей девятнадцать, обе вполне созрели, и теперь государь непременно станет подыскивать человека, который годился бы в зятя. Ыннём только что возвратился после обучения в другом государстве, без сомнения, первым кандидатом в зятя будет именно он. Монах пробует сравнить характеры государя и Ыннёма. Государь болезненный, характер имеет слабый и остерегается людей горячего нрава и грубого поведения. А если говорить об Ыннёме, по характеру он более невоздержан, чем другие, — вот в этом единственная трудность. Однако, если Ыннём обнаружит перед государем больше скромности, чем прежде, государь без колебаний сделает его зятем. Как же заставить Ыннёма показать свою скромность? Монах начинает размышлять, о чем может спросить Ыннёма государь? Пожалуй, вероятнее всего, спросит, что он повидал в чужих краях. В таком случае, как же в ответе можно продемонстрировать скромные качества? Есть очень хороший способ завладеть сердцем государя, это — заставить Ыннёма рассказать, будто случилось ему повстречать трех добрых людей.

Он правильно сообразил, какой вопрос может быть задан. Скромные ответы Ыннёма, с одной стороны, удивят государя, а с другой — покажутся мудрыми, и он с легким сердцем сделает его зятем. Кроме того, обе принцессы подходящего возраста, и государь спросит, которую же из них Ыннём выберет? Надо непременно взять старшую. Конечно, говорят, будто младшая дочь по красоте не имеет себе равных и по сравнению с ней старшая просто безобразна, но выбрать надо обязательно старшую. Ясно, почему. Родительским сердцем государь все время болеет за старшую дочь, и если Ыннём по своей доброй воле выберет именно ее, не обратив внимания на ее безобразную внешность, разве этим он не доставит государю удовольствие? Выбрав старшую, Ыннём не только угодит государю, тут есть еще одна сторона. Ведь государь часто лежит на одре болезни, вот-вот покинет этот мир. Так заглянем в будущее! Когда государь покинет мир, престол займет либо старшая принцесса, либо, в зависимости от обстоятельств, ее супруг — разве не так?

Его планы и надежды были рассчитаны необыкновенно точно. Ыннём стал супругом старшей принцессы, государь покинул этот мир и по воле покойного теперь он — государь. Од-

нако монах не успокоился на этом. Разве не было у него заветного желания дать Ыннёму такую власть и счастье, которыми только может насладиться человек? Он полагал, что Ыннёму мало одной только старшей принцессы, ему должна принадлежать и красавица-младшая. Тогда он заставляет Ыннёма жениться на младшей.

Но тут, как раз перед свадьбой, Юнхын поднял мятеж и Ыннём, который уже предвкушал радость соединения со второй супругой, не решался предать разбойников казни — монах заставляет его казнить мятежников, но весьма легкомысленно не предусмотрел одну вещь: если Ыннём оступится, все рухнет.

Окончилась церемония бракосочетания со второй супругой, и монах покинул дворец удовлетворенным: теперь все сделано. Однако той же ночью государыня покинула мир. Поползли слухи, будто ее убил сам царь. Такого поворота событий он не предполагал.

Монах почувствовал, что его мечтам неожиданно пришел конец, все закружилось перед глазами. С трудом успокоившись, попытался понять, отчего Ыннём убил царицу? Причину он нашел легко — наверняка дело в его ушах! «Все из-за этих проклятых, омерзительных ушей!» — подумал он. Царица, рожденная в знатной семье, увидела отвратительные уши, она не знала, что другие хвалили их, и прямо сказала, как они безобразны. Тогда государь, гордившийся этими ушами, в гневе мог убить царицу. «Что же мне делать? — мучительно размышлял монах. — Судьба Ыннёма теперь пошла к закату, а я-то предполагал сделать его самым могущественным, самым счастливым человеком на этом свете! А что, если теперь превратить его в самого страдающего, самого несчастного в мире?..» Он решает, что и это может быть способом утверждения незаурядности своих способностей. Разве именно самоутверждение не было его заветной мечтой? «Попробую на этот раз, сумею ли я сделать Ыннёма самым несчастным?»

Ыннём ненавидит его, он тоже не любит Ыннёма. Для него Ыннём всего лишь марионетка, и он не испытывает ни капельки сочувствия к нему. Нет, с какой стороны ни подходи, Ыннём принадлежит к той категории людей, которых он ненавидит. Знатный род, самоуверенность, а заглянешь внутрь — пустота. Вот таков Ыннём! Посмотреть хотя бы на его уши! Он расхваливал их, а у самого тошнота подступала к горлу, так и хотелось выкрикнуть: «У царя лошадиные уши! У царя лошадиные уши!» — И от души расхохотаться. Но он никогда не позволял себе этого. Если только случалось ему оказаться в глухом без-

людном месте, вот тогда он удовлетворял свое желание. Но там-то кто его услышит? Ему приходилось сдерживать свои чувства, но уж теперь, теперь-то выскажется от души! Он усмехнулся и с этой мыслью отправился во дворец.

Монах обрадовался в душе, увидев страдающего Ыннёма, и слова «у царя лошадиные уши!» произнес он сам для того, чтобы привести в еще большее замешательство и без того смятенную душу государя. Ыннём же не смог узнать голос монаха, потому что он звучал вроде как во сне. Монах издавал эти звуки не обычным способом. Он владел искусством чревовещания, а при чревовещании рот не открывают. С древних времен люди владеют этим умением и обучают других. Когда говорят, не открывая рта, кажется, будто звучит какой-то нереальный голос. Вот недавно среди женщин пошел слух, будто появился дух покойной девочки, умершей от оспы, который вещал то ли из бутылки, то ли из глиняного кувшина. Когда гадалки занимаются чревовещанием, тоже кажется, будто голос выходит из бутылки или глиняного кувшина.

Монах научился чревовещанию с юных лет и теперь воспользовался своим искусством.

— Государь! — тихонько позвал он. — Я, вроде, тоже слышал этот голос.

Государь вскочил.

— Ты тоже слышал?

— Да. Давайте прислушаемся. — И монах начал чревовещать.

— У царя лошадиные уши! У царя лошадиные уши!

А потом снова сказал нормальным голосом:

— Слышали? Вроде женский голос...

— Похож на женский?

Ыннём обернулся, глаза округлились от страха.

— Голос царицы! И в самом деле ее голос! Что? У царя лошадиные уши? Вот бесстыжая...

Ыннём снова закрыл уши и, бросившись на постель, так и остался там лежать. Глядя на него, монах снова несколько раз проговорил:

— У царя лошадиные уши! У царя лошадиные уши!

Впервые с тех пор, как он родился на свет, монах получал такое удовольствие.

— У царя лошадиные уши! У царя лошадиные уши! — Слова зазвучали мелодично, монах даже стал их напевать.

Ыннём в отчаянии метался по постели, а потом будто скатился на пол, встал на колени, глядя с мольбой на монаха.

— Неужели ничего нельзя сделать? Я готов на все, только бы не слышать этот голос!

Он умолял. А монах радовался: до чего приятные слова! Впервые государь меня о чем-то попросил. А ведь я и пришел к нему только ради этого! Наконец-то слышу умоляющий голос! Монах, конечно, скрывал свою радость. Мне этого мало, мало, думал он, я должен заставить его еще больше страдать! Я, которому было непозволительно даже взглянуть на государя целой страны, сделаю его самым несчастным на свете!

— Не извольте беспокоиться, способ есть. — Монах притворился, будто жалеет государя.

— Есть способ?

— Осмелюсь нижайше сообщить...

— Что за способ? Не церемонься... О, только б не слышать этот невыносимый голос...

— Осмелюсь нижайше сообщить... — Тут монах сделал вид, будто не решается сказать, затем продолжил. — Вот если бы держать змей... Если держать змей в ваших покоях, дух этой слабой женщины успокоится и снова не посмеет явиться.

— Ну сделай так! Змеи не змеи... Да я готов держать кого угодно! — Ыннём так клянчил, ну просто прилип.

Монах позвал торговца змеями, велел ему принести десяток неядовитых змей и пустить их в царские покои. Чревоушение «у царя лошадиные уши», конечно, тут же прекратилось.

Омерзительные змеи заползали даже в государеву постель. Одна крепко обвила его шею, другая лизала щеки и губы, а одна даже подползла зад ему полизать языком. До чего противно! Но Ыннёму только бы голоса не слышать, он был доволен.

Государева опочивальня кишела змеями, и придворные боялись, не решались туда войти, но государь не обращал на это внимания и проводил дни, спрятавшись среди змей. Правитель государства ни с кем не встречается, все время сидит со змеями в своих покоях и не занимается делами правления. И вот повсюду стали появляться мятежники. Прежде смутьянов казнили, как, например, Юн Хына или Ким Е с Ким Хёном, которые взбунтовались в первой луне на восьмом году правления, а Кын Чон, попытавшийся ворваться во дворец, был удушен в пятой луне на четырнадцатом году правления. Теперь же бунты все больше и больше ввергали государство в хаос. К мятежам добавились и стихийные бедствия, которые приносили народу страдания.

На седьмом году правления в пятой луне в столице начала свирепствовать оспа, на улицах рядами валялись трупы.

В этом же году в восьмой луне во всей стране случилось наводнение. Не пересчитаешь тех, кто потерял дома и имущество, родителей и братьев с сестрами.

В этом же году в двенадцатой луне комета появилась возле «Золотой звезды», среди людей началась паника.

На десятом году в четвертой луне случилось сильное землетрясение, были разрушены высокие строения и большие павильоны, не сохранились даже хижины, покрытые соломой. Вся столица превратилась в руины.

В этом же году в седьмой луне снова произошло наводнение. В этом году зимой вообще не было снега. На людей напали страшные болезни.

На двенадцатом году в четвертой луне в столице опять случилось землетрясение, а в восьмой луне полчища саранчи напали на хлеба и от всего урожая не осталось ни одного зернышка.

В тридцатом году весной на голодных людей напала оспа. Повсюду раздавались плач и стенания.

Государь не ведал обо всех бедах и страданиях народа и по-прежнему жил, будто в дурмане. Все дела за его спиной вел монах, каждый раз объявляя, что так, мол, повелел государь. Только поэтому в стране и не произошел большой переворот.

Отчего же монах так поступал? Ведь он стремился погубить государя! А причина проста. Ведь он хотел не просто погубить, ему было интересно выяснить, до какой грани страданий сумеет он довести государя? Поэтому, вместо того чтобы покончить с ним сразу, он изводил его постепенно. А разве после не появится удобный случай, чтобы наконец бросить его на самое дно мучений? Из-за этого каждый раз, когда что-нибудь случилось, он придумывал, как восстановить порядок. Конечно, такого рода деятельность не была его главной целью, он, безусловно, получал удовлетворение, когда видел, как его усилиями хаос в стране прекращался и наступал порядок. Так он поступал во всех трудных ситуациях.

На шестом году правления в первой луне сын государя Чон (ребенок, рожденный старшей принцессой) стал наследником престола. Это было сделано для того, чтобы народ, разочаровавшийся в государе, обратился сердцем к наследнику.

На седьмом году правления, в десятой луне для умиротворения народа, испытавшего многие напасти, послали в каждую провинцию по чиновнику.

На восьмом году правления, в шестой луне в храме «Желтого Дракона» соорудили пагоду и совершили моление Будде, прося избавления от бед.

На девятом году, в седьмой луне наследника в сопровождении подданных сановников послали в Китай для установления дружеских отношений.

На тринадцатом году правления, весной послали людей во все уголки страны, чтобы приложить силы к спасению голодающего народа. Кроме того, каждый раз, как появлялись мятежники, с ними поступали точно так, как это делали прежде.

3

Народ, как и надеялся монах, постепенно отвернулся от государя и на пятнадцатом году правления, весной, недовольство достигло предела. Люди взроптали, потребовали сместить царя и возвести на престол наследника. В самом деле, наследник отличался мудростью, любил книги и, хотя был молод годами, обладал незаурядными достоинствами. Народ души в нем не чаял.

Монах решил, что время настало. Прежде он заходил в государевы покои, теперь же государь привык возиться с этими мерзкими змеями, да и сам с удовольствием стал ползать как змея. Это уж было крайнее одичание — поистине сцена из преисподней!

«Все идет, как надо, — с удовлетворением подумал монах. — В конце концов я его убью своими руками! Сам поднял на вершину, сам и низвергну вниз, сам остановлю его дыхание. В конце концов он всю жизнь, без преувеличения, был игрушкой в моих руках! Убью, а потом я...?» — размышлял он.

Монах вошел в спальню государя, в руках у него был предмет, похожий на маленький кувшинчик.

— Как вы себя чувствуете? Недавно... — ласково заговорил монах, подойдя к государю.

— А, пришел?

Биньёму едва минуло сорок, но из-за того, что он вел такую противоестественную жизнь, волосы и зубы у него почти все выпали, щеки ввалились, а лоб избородили морщины.

— Послушай-ка, я с ними теперь целуюсь! — И он принялся целоваться по очереди со всеми змеями, которые высовывали красные языки.

Тогда, нагло глядя прямо на государя, монах, как и прежде, стал чревовещать:

— У царя лошадиные уши!

Государь задрожал от страха.

— Что это?

— У царя лошадиные уши! — снова повторил монах.

— Что это за странный голос?

— У царя лошадиные уши! — третий раз произнес монах.

— Дух царицы! Опять появился дух царицы!

Ыннём схватил монаха за рукав, его трясло.

— Что случилось? Ведь он пропал... Уже ничего не было!

— Вы очень долго пользовались змеями, теперь они не действуют!

— Может, есть еще какой-нибудь способ?..

— Я вот принес кое-что... Это заморская змея, она действует безотказно! — И он потряс кувшинчиком, который держал в руках.

— Дай скорее! Быстро выпусти эту змею! — Ыннём попытался схватить кувшинчик, но монах поднял его высоко.

— Сначала послушайте, что я скажу. Так вот, если к этой змее прикоснуться, не только дух царицы испугается! Стоит этой твари дотронуться кончиком языка до человеческой кожи, как тотчас же кожа уменьшится.

Ыннём вытаращил глаза, они были полны радости.

— Пусть она полижет мои уши! Может, мои уши станут меньше... -- От радости Ыннём двух слов не мог связать. — Вот мои уши... Пусть дотронется...

Монах указал на горлышко кувшина. Государь тотчас же схватил кувшин, вытащил пробку и засунул в него ухо. Монах, затаив дыхание, наблюдал за выражением лица Ыннёма, а тот, закрыв глаза, ждал радостного события, его прямо восторг охватил. Как вдруг он заорал, будто его резали:

— А! Убивают!..

Ыннём кричал все громче, и монах растерялся.

— Раз уши укорачиваются, течет кровь, вот вам и больно.

— Не ври, негодяй! Ядовитая змея! Это яд!..

Монах тотчас подскочил к государю. Слишком орет, если услышат придворные, не миновать беды. Он попробовал зажать его рот рукой, но тут же вскрикнул и, скорчившись, упал ничком у ног Ыннёма. Потом из последних сил вынул кинжал, который в него всадил государь.

— Умираю от руки этого... — проговорил монах слабея. — Я строил такие планы... И вот, от этого болвана... — Голос пре-

рвался: рот монаха плотно закрыли отвратительные уши Ыннэ-ма — это сползло его тело.

* * *

Государь скончался. На престол вступил наследник Чон, которого так жаждал народ. Он и был 49-м государем Хонганваном. Люди, встретив нового государя, смогли после долгого времени, наконец, разгладить морщины. А о тех необычных событиях постепенно даже слухи замерли.

Перевод А. Ф. Троцевич